

Владимир Де
Ланге

Обручальные серёжки

Владимир Ланге

Обручальные серёжки

<https://litres.ru/72968583>

SelfPub; 2026

Аннотация

Помолвка - это трудное время для жениха и невесты, это репетиция их совместной жизни в браке, чтобы в день свадьбы в единстве и согласии предстать перед Богом и людьми супружеской парой, мужем и женой.

Смогут ли Вера и Ронни не потерять благословение Бога, по которому они встретили друг друга, стать одной плотью и душой и жить долго и счастливо.

Содержание

Обручальные сережки	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владимир Де Ланге

Обручальные серёжки

Обручальные сережки

Глава 1.

Сколько человек может упиваться счастьем? Наверное, столько, сколько выдержит его сердце, неискушенное счастьем.

К сожалению, как правило, чувство осознанного счастья длиться недолго, иногда, до первого рассвета, но каждое его мгновение для человека ценнее любых сокровищ мира.

И Вера упивалась своим счастьем и, как все счастливые люди, часов не наблюдая, чтобы на всю жизнь сохранить момент, когда в её засватал достойный мужчина, как рыцарь из её детской мечты.

Видимо, за свой век она так настрадалась в нескончаемых мытарствах по белому свету, что даже Бог на Небесах разжалобился, ведь не по щучьему же велению она встретила Ронни, сильного, умного и разведенного бельгийца, с которым ей так хотелось стареть.

Он был так хорош, что после первого свидания она ему отказала, потому что пожалела, ведь он – бывший десантник, офицер МЧС, а она уборщица – мигрантка, но, когда через

два месяца Вера по суду получила гражданство Бельгии, то решила дать себе шанс быть счастливой, она приняла приглашение мужчины приехать к нему домой, он жил на берегу Северного моря, и ответила согласием перед Богом на его предложение стать ему женой, и свидетели этому были луна и звёзды.

Эта помолвка была вечером, а утром Ронни назвал Веру женой, они пообещали друг другу с Нового Года жить вместе, хотя сами не знали, как это будет, а вечером они уже прощались на вокзале, так как, Вера спешила домой к детям, которые жили в 100 км от моря.

По возвращению домой, Вера не огорчалась, что её жизнь нисколько не изменилась и шла своим чередом, но сердцем она чувствовала радость грядущих перемен, что было сродни счастью, которое она хранила, как цыпленка за пазухой, ведь скоро только сказка сказывается.

Уборка чужих квартир не мешала женщине думать о грядущим переменах, а Ронни звонил регулярно, два, а то и три раза, в день, чтобы напомнить ей о себе.

Конечно, Вера понимала, что её вдохновенные планы на будущее ещё на воде вилами писаны, но к чему счастливому человеку глядеть под ноги, когда в голове вырисовывается такая прекрасная перспектива быть счастливой!

Это было днём, а вечером, после работы, когда Вера возвращалась в свою городскую квартиру, в заботах о семье ее рассудок самовольно блокировал любую мысль о каком-то

замужестве, она была и оставалась одинокой многодетной матерью на чужбине, и самым счастливым моментом становился тот поздний час, когда её оставляли в покое, и она в зале, на матрасе, лежащем на полу за подержанной ширмой, предавалась мечтательному забытию, которое быстро переходило в крепкий сон

Дети находили забавным любовные отношения мамы с бельгийским пенсионером, живущим у моря, а, так как, её поездки по выходным дням никак не отражались на жизни семьи, то на эти мамины причуды мало кто обращал внимание, ведь мама была и оставалась кормилицей, заботливой домоправительницей, и она не имела права оставлять своих детей и внуку на произвол судьбы.

Быстро пролетели трудовые недели, и каждый раз Вера, как на крыльях, летела к морю, где ее ждали любимый муж, блаженство и покой, а по воскресеньям её будил шум морского прибоя и смешная песенка мужа, которая звучала, как приглашение на завтрак.

– Кофе, кофе, вкусное кофе, я приготовил для любимой жены!

Чашечка утреннего кофе аппетитно дымилась на столе, и Вера, блаженно потягиваясь, вылезала из-под пушистого одеяла и уселась за стол, чтобы осторожно пробовать вкус своего кофейного счастья. С каждым глотком сладкого напитка волна желаний, быть любимой и любить, накрывала

женщину с головой.

К завтраку предполагался свежеиспеченный батон, за которым предстояло еще сходить в булочную.

Неожиданно, через открытое окно балкона послышался колокольный звон, и с его звоном Вере нестерпимо захотелось предстать перед Богом в новом для нее качестве, женой рыцаря из её сказки, бывшего десантника, а в настоящем спасателя, у которого не только доброе сердце, но и ум, позволяющий ему иметь собственное мнение, а, вот, насчет яхты и одноместного планера она так и не поняла, владеет он еще ими или владел, по фотографиям трудно это определить.

Колокольный звон разливался по всей округе и сливался с шумом прибоя.

– Ронни, давай пойдем в церковь, – предложила Вера мужу, вопросительно глядя в синеву его глаз.

– Пойти в церковь? Так я уже тридцать лет не хожу в церковь, даже порог ее не переступаю ... из принципа. ... Подожди, ты у меня что, католичка?

– Нет, я православная, но сейчас я просто хочу пойти в церковь, как христианка. Мама мне сказала, что славить Бога можно везде, где прославляется Иисус Христос. Я так давно не было в церкви. Мне так хочется, чтобы Бог увидел нас вместе, тебя и меня, и порадовался бы за нас. ... Это правда, Он и сейчас видим нас.

Эти слова непонятным образом для самого Ронни убеди-

ли его, что пришла пора менять свои отношения с Богом, и самозванные молодожены засобирались, чтобы успеть на воскресное служение. Звон колокола уже стихал, когда они вошли под церковные своды капеллы, стоящей в центре прибрежного курортного города, у трамвайных путей, и сели на задние скамейки.

Под готическими сводами царили прохлада. Людей в церкви было немного, разобрать то, что говорил и пел седовласый пастор было практически невозможно, так как его голос сопровождало многократное эхо, но это, никоим образом, не влияло на светлую радость, переполнявшую сердце Веры. Рядом с ней сидел на церковной скамейке мужчина, называвший ее женой, и они оба были счастливы одним счастьем.

После службы пастор стоял у выхода и на прощание благословлял каждого прихожанина дружеским рукопожатием. Вера и Ронни были последними в этой очереди для этого прощального ритуала. Желая получше познакомиться с ним, пастор пригласил их вернуться для разговора в церковную залу, его заинтересовала короткая история их любви. Если Вера скромно отмалчивалась, то Ронни словоохотливо поведал духовному лицу о том, как он 31 год пожил с нелюбимой женщиной, сравнивая свои страдания с божьей каре, потом, как трудно ему было оставить с ней младшую дочь, к той поре ещё несовершеннолетнюю, и чудесной встречей с Верой. С божьей помощью он отыскал ее среди множества жен-

щин, желающих с ним разделить старость, и, чтобы не потерять, он взял Веру в жены перед Богом. В заключении такого трогательного жизнеописания, он попросил у священника благословения, и пастор возложил на головы Ронни и Веры руки и благословил их союз молитвой. Домой они вернулись окрыленными, ведь их супружество приобретало законность. Полнота чувств переполняла обоих, им показалось, что теперь весь мир существовал только для того, чтобы они как можно больше узнавали друг о друге. Ронни часто переходил на свой грубый диалект фламандского, понятный только в Антверпене, а Вера при разговоре постоянно заикалась, суматошно подыскивала нужные слова в своем словарном лексиконе, и от напряжения забывала строить предложения в том определенном порядке, без которого понять ее нидерландскую речь было практически невозможно, но каждый из них двоих понимал то, что ему нужно было понять.

Как жаль, что выходные были задуманы не резиновыми, чтобы при случае их можно было растянуть, хотя бы на часок.

И, тут ничего не поделаешь, что хорошо, то коротко.

Глава 2

Вечером в воскресенье Ронни посадил в поезд, и Вера благополучно вернулась в свою привычную стихию, где ничего не менялось и меняться не собиралось, только каждодневные звонки в обеденный перерыв напоминали о существовании Ронни, как принца из сказки.

С утра до вечера она бежала на электричку, на станции под названием Ландегем вскакивала на велосипед и мчалась по адресам своих бельгийских клиентов, которые нуждались в её помощи по уборке своего жилья, а вечера она посвящала детям, зятю и внучке Эмили. Хорошо, что и в буднях бывают праздники, на которые ходит одно удовольствие.

В миграции дружба особенно ценится, одна судьба матерей одиночек, волею судьбы оказавшись в миграции, сплавивает подруг семейными узами.

Поэтому, сразу после работы Вера поспешила в гости к Даше, так как её сыну Алику исполнилось уже 14 лет.

Именины детей Даша обычно справляла в сутолоке гостей, состоящих русских семейных пар, и ее очередных поклонников, но после ухода Людвига, который сбежал прихватив с собой хрустальные рюмки, единственным ее поклонником был здоровенный кот Васька, который знал себе цену и позволял Даше за собой ухаживать, проводя каждую ночь вытянувшись у её ног.

Именинник Алик уже перерос того милого мальчика, который любил играть с Витей и Таней, младшими детьми Веры. Теперь он выглядел длинноногим щеголем в узких джинсах при стильном блузоне. Мальчик явно гордился своим чубом, вздернутый по-петушиному вверх, и в его черных глазах светилось удовольствие, быть самым крутым именинником и принимать от маминых друзей конверты с деньгами.

Алик любил тетю Веру. Когда он был маленьким, то с удовольствием гостил у нее в старинной усадьбе, и сейчас искренне обрадовался не столько Верину подарку, состоящему из накрученной ручке и блокнота-еженедельника, сколько ее приходу.

Пока накрывался стол в гостиной Вера присела у распахнутого окна на кухне, и, никому не мешая, думала о своем крестнике.

В конце лета Даша получила вид на жительство, и она ездила на несколько дней в Казахстан и заодно крестила сына по православному обряду. В день крещения Даша дозвонилась Вере, чтобы поздравить ее, как крестную Алика. Разговор между подругами был короткий, и самого крестника, который и сам толком не понял, что с ним происходит, ибо все внимание было приковано к часам Ролсон на его руке.

Эти часы за 1000 евро Алик получил от своего дяди, который стал его крестным, с тем пор прошло много времени и дядю он больше не видел, а Вера не стала соревноваться с названным кумом и самовольно сложила свои полномочия

крестной до лучших финансовых времен, а эти времена все никак не наступали.

Теперь Алик стал красивым ухоженным юношей, он любил играть футбол, увлекался боулингом, и к нему на выходные приходила девочка, с которой у мальчика была далеко не юношеская любовь.

Задумавшись, Вера не сразу заметила Дашу, присевшую у раскрытого окна, она красиво курила сигарету, с наслаждением втягивая в себя едкий дым табака.

– Что приуныла, Верочка! Устала поди от уборок в домах стариков и велосипедных марафонов. Ох, скорей бы получить социальное жильё, вот, тогда-то мы свое возьмем. Да, ты уже видела мой подарок Али? Эту дублёнку мне удалось купить всего за 600 евро! Как поживает наш бодрый старичок Роберт? Уж, не ревнует ли он тебя к твоему новому другу? Хоть бы познакомила с ним. Как его зовут? Ты еще едешь к нему на море?

– Роберт не ревнует, а переживает, что скоро я не буду в его заботе нуждаться. Он думает, что я могу забыть его ко мне такое хорошее отношение. Чудак. А с Ронни я тебя обязательно познакомлю, в выходной, на пример. Хорошо?

– Скажи, как тебе с ним?

– Хорошо.

– Нет, я имею в виду, хорошо или плохо, а каков он в любви?

Тут Вера растерялась, она никогда не делилась интимны-

ми подробностями своих отношений с мужчиной, но понимала, что после стольких лет миграционной дружбы, когда все невзгоды и радости делились пополам, настал её черед откровенности.

Подруги стояли у окна кухни, а в это время Дашины гости, не дожидаясь хозяйки, уже усаживались за стол в гостиной, из которой слышались веселые голоса, смех на фоне песен Аллы Пугачёвой.

Скрупулёзно подбирала слова для описания своих отношений с Ронни, выглядевших со стороны довольно-таки неприглядно.

– Знаешь, Даша, я в юности думала, что любовь определяется силой естественного влечения мужчины к своей избраннице, которое приводит, если по-научному выражаться, к некому оргазму. Такое сильное чувство близости между мужчиной и женщиной должны быть в рамках супружества, а, иначе, они порочны. Настоящая любовь предназначена для создания семьи, для рождения детей, а, если такой цели нет, то вместо любви мы имеем любовные отношения, которые ни к чему никого не обязывают.

– Я не поняла, ты это о чем?

– Не спеши. Даша, скоро поймёшь, в юности я была убеждена, что переспать с мужчиной, это тоже самое, что выйти за него замуж. Мне больно и трудно было расставаться с этим убеждением и принимать секс, как утренний моцион для снятия стресса, или как прелюдия сна. Правда в том, что для

меня секс вне брака стал таким редким подарком судьбы, что стыд немеет, но потом на душе так гадко, но у меня с Ронни это совсем другое.

– Что другое? Верочка, уж, не темни.

Даша от волнения сделал глубокую затыжку и в ее глазах затаился чувственный огонь, который не должен был прорваться наружу.

– Понимаешь, – продолжала Вера, – любовь к Ронни — это совсем другое, чем просто влечение страсти. Я чувствую себя под покровом его любви, даже, когда его нет рядом. Это такое трогательное чувство духовного единства, в котором я еще не могу полностью разобраться, наверное, это и есть любовь. Одно могу сказать: то, что называют пошлым словом «секс», на самом деле, является чувственным и прекрасным дополнением к любви, когда соединяются сердца двух людей, предназначенных друг для друга, и они соединяются в одном дыхании, в едином желании, принадлежать друг другу. ... В общем, если любовь – это вкусный многослойный торт, то близость – это вишенка в кремовой розе, возможно, красной, не больше. ... Можно сказать, что если любовь определить сверкающей хрустальной вазой, то близость – это букет ромашек в ней. ... Прекрасное в простоте, и простота в прекрасном.

Сказав это, Вера внутренне покраснела, она не была готова описывать то, что еще только зарождалось и стеснялась своей открытости.

Влюбленная женщина не заметила в глазах подруги легкий мистический туман, и ей хотелось быстрее закончить этот разговор и пойти в гостиную, где уже поднимались тосты за именинника и звали его маму.

Как в насмешку, после веселого дня рожденья будни еще выматывали Веру, пока не настала пятница, когда Веру у моря ждал ее бельгийский герой.

Глава 3

В тот поздний час вокзал, освещенный фонарями, напоминал заброшенный замок. По пустынному перрону одиноко сновали чайки, ища отбросы человеческой еды, они не обращали внимания на тех поздних пассажиров, которых словно сдувал с вокзальной площади сердитый морской ветер.

Выйдя из поезда последней, Вере тут же захотелось обратно нырнуть в теплый вагон электрички, но вагонные двери автоматически закрылись за ее спиной, и она поспешила к машине, сиротливо стоявшей на привокзальной площади.

Вера в спешке раскрыла переднюю дверцу и на миг потеряла дар речи, ее место рядом с Ронни было занято женщиной, крупное тело которой отличалось офицерской выправкой.

– Хай, - представилась женщина, сделав попытки развернуть широкие плечи к вере, оставаясь сидеть в автомобильном кресле, - Меня зовут Иоланта и я согласилась приехать за вами, хотя меня ждут дома дела.

Извинившись, Вера покорно уселась на заднее сиденье, и всю дорогу домой мучительно думала, кто здесь третий лишний.

Иоланта была довольна реакцией Веры на то, что место рядом с водителем было занято. Эта новая русская пассия

Ронни еще не поняла, что обольстилась понапрасну, потому что Иоланта не имела привычки делиться своим мужчиной, который и сам не подозревал, что был насмерть привязан к Иоланте, даже не к ней, а к своей привычке быть ею обласканным.

К месту будет сказано, что женщина на своем веку уже пережила двух мужей, и пусть бравый Де Гроте в жены ее не брал, но из любовником не выписывался.

Первый муж Иоланты, мужчина степенный рассудительный, слова поперек не смел ей сказать, а как только к другой захотел поддаться, то порог и не переступил, как помер в одночасье.

Со вторым было канительно, он себя в обиду не давал, то драться пытался, то за топор хватался, всё убить её пытался, но помер сам, как простреленный на лету голубок. Врачи сказали, что остановка сердца у него приключилась, такое часто бывает у заядлых велосипедистов, но только она, Иоланта знала, что довело ее муженька до смертного одра.

Зато с Ронни у Иоланты любовь была крепкая, как ни как, на библии заговоренная.

Фигурой и характером бог женщину не обидел, в роду у нее все были ладные, да, справные, а одна из родственниц, тетя по материнской линии, что жила отшельницей, слыла колдуньей.

Ее маленький домик прятался в песчаных дюнах, но до-

рога к нему была известна всем жителям прибрежных деревень. Эта тетя Илона могла и приворожить, и, кого надо, отвадить. Никому не отказывала тетя в помощи, только умирала она в страшных муках, поэтому Иоланта долго боялась использовать тетины заговоры, которая та ей оставила, и от людей скрывала свое родство с колдуньей Илоной.

Неспешно проходили годы, не меняя ничего, и пришел час, когда Иолантегодились тетины знания в ворожбе, ведь ведьминский дар у нее обнаружился ещё в детстве, как говорила её мамаша. Сначала Иоланта испробовала колдовскую силу на зяте, который и думать перестал уйти из семьи, ему самому понравилось иметь в семье жену, и в любовницах тещу, ещё ту штучку.

В отличии от своей тётки колдуньи, Иолантыиспользовала заговоры только для себя лично и тайно, и что бы отвести от себя смертельные муки, женщина перед обрядом ходила в церковь, просила у священника благословения, а тот благословлял каждого, не задавая вопросы на что, а после – она причащалась, и после ставила свечку за здоровье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.